

ПОИСКИ, ГИПОТЕЗЫ, ДОГАДКИ

УДК 94(47).04

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.370-392

О ВРЕМЕНИ И МЕСТЕ НАПИСАНИЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ СОЧИНЕНИЯ УТЕМИШ-ХАДЖИ «КАРА ТАВАРИХ» (КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТУ)

А.В. Беляков

*Институт российской истории Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
feb@ru.ru*

Цель: прокомментировать сведения продолжателя Утемиш-хаджи «Кара таварих» и предпринять попытку установить время и место написания текста.

Материалы исследования: ряд известий, приводимых автором продолжения, поддаются проверке посредством сравнения с данными, сохранившимися в документах архива Посольского приказа. Помимо этого, компоновка текста продолжения и приводимые в нем сведения позволяют очертить круг лиц, среди которых бытовала рукопись «Кара таварих» и было сделано анализируемое добавление.

Результаты и научная новизна: установлено, что текст продолжения сочинения Утемиш-хаджи «Кара таварих», скорее всего, был написан в 1660–1680-х г. в Ярославле, в окружении вдов сибирского царевича Алтаная б. Кучума. Это была своеобразная реакция на принятие православия своими детьми и иными родственниками в середине XVII в. При этом продолжение содержит обширные историко-генеалогические сведения и одновременно является полемическим сочинением. На его страницах, на примере царевича Хансюера б. Али, создается образ истинного мусульманина, каким он виделся автору в условиях наступления православия на ислам в России середины – второй половины XVII в. Перед нами предстает коллективная эпитафия по всему роду сибирских Шибанидов, прервавшихся на внуках Кучума. Православным, по мнению автора / заказчика, они, Шибаниды, быть не могут. Несмотря на отдельные искажения реальных событий, достигаемые путем умалчиваний и дачей субъективных оценок тем или иным историческим личностям, в целом, рассматриваемый источник вполне правдиво передает события XVII в., связанные с пребыванием в Московском государстве потомков сибирского хана Кучума.

Ключевые слова: Утемиш-хаджа, «Кара таварих», Кучумовичи, Чингизиды, Касимовское царство, Хансюер б. Али, генеалогия, Московское государство XVII в.

Для цитирования: Беляков А.В. О времени и месте написания продолжения сочинения Утемиш-хаджи «Кара таварих» (комментарии к тексту) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 370–392. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.370-392

**ON THE TIME AND PLACE OF WRITING THE CONTINUATION
OF ÖTEMISH-HAJJI'S "QARA TAVARIKH"
(COMMENTS ON THE TEXT)**

A. V. Belyakov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
feb@ru.ru*

Abstract: *Objective:* To offer commentary on the information provided by the continuator of Ötemish-Hajji's "Qara Tavarikh" and to make an attempt to establish the time and place of the text's composition.

Materials: A number of details of the continuation can be verified by comparison with the documents from the archives of the Posolsky order. In addition, the continuation's structure and its information allow us to delineate a circle of individuals among whom the manuscript circulated and by whom this addition was written.

Results and novelty of the research: The author here establishes that the "Qara Tavarikh's" continuation, most likely, was written in the 1660s to 1680s in Yaroslavl, among the retinue of the widows of the Siberian prince, Altanay b. Kuchum. This was a kind of reaction to the conversion of their children and relatives to Eastern Orthodoxy in the mid-17th century. Therefore, the continuation contains extensive historical and genealogical information and at the same time represents a polemical work. Using the example of the prince, Hansyuer b. Ali, the anonymous continuator creates the image of a true Muslim under the conditions of the onset of Orthodoxy upon Islam in Russia in the middle to second half of the 17th century. We are faced with a collective epitaph of the entire Siberian Shibanid family, which is interrupted with Kuchum's grandchildren. According to the author or the commissioner of the continuation, the Shibanids could not be Orthodox. Despite some distortions of real events through silence and subjective assessments of certain historical personalities, the source under consideration, on the whole, quite truthfully represents the events of the 17th century connected with the residence of the descendants of the Siberian khan Kuchum in Muscovy.

Keywords: Ötemish-Hajji, "Qara Tavarikh", Kuchumovichi, Chinggisids, Kasimov Kingdom, Hansyuer b. Ali, genealogy, Moscow state of the 17th century

For citation: Belyakov A.V. On the Time and Place of Writing the Continuation of Ötemish-Hajji's "Qara Tavarikh" (Comments on the Text). *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 370–392. DOI: 10.22378/2313-6197. 2018-6-2.370-392

В 2017 г. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ издал ценный источник по истории Золотой Орды и ранней истории постордынских государств: сочинение Утемиш-хаджи «Кара таварих», написанное в середине XVI в. в Хивинском ханстве на тюркском языке [40]. Издание осуществлено по списку Р. Фахретдина из личного архива З.В. Тогана (Турция).

Издатели дали русский перевод текста, его тюркскую транскрипцию, факсимиле и предисловие. От комментариев они по ряду причин отказались. Надеемся, что эта большая и сложная работа со временем будет сделана. Мы решили частично прокомментировать отдельные места опубликованного источника. Ниже речь пойдет о последнем дастане данного сочинения, озаглавленном автором следующим образом: «Этот раздел расскажет о роде Бек

Конды» [40, с. 82–85]. Данная часть отсутствует в так называемом ташкентском списке, известном как «Чингиз-наме», и была дописана уже в XVII в. Далее этот текст мы будем называть для удобства продолжением, как в свое время предложил И.М. Миргалеев [22].

Рассматриваемый нами отрывок интересен сразу по нескольким позициям. Во-первых, в нем приводятся отдельные сведения по истории сибирских Шибанидов конца XVI – середины XVII в. Некоторые из них можно проверить и уточнить по русским источникам, другие являются абсолютно уникальными. Во-вторых, он позволяет приоткрыть завесу над одной из сложных и плохо поддающейся решению проблем – степени знаний о своем прошлом Чингизидов (в данном случае сибирских Шибанидов), проживавших в России. В-третьих, он содержит информацию о том, до какой степени Кучумовичи XVII в. воспринимали свое единство. Этот отрывок уже привлекал внимание специалистов. И.М. Миргалеев обратил внимание на два момента: 1) захоронение Али б. Кучумом в Уфе (Уфи) своего сына; 2) контроль Шибанидами областей Башкурт, Алатырь, Мокшы, мангытов и Казани [22]. Однако исследователь не предпринял попытки разобраться в приводимой генеалогии Шибанидов, чтобы установить хотя бы приблизительное время этого контроля. Вопросы генеалогии вполне успешно были рассмотрены Д.Н. Маслюженко [20]. Нас в данном случае в первую очередь интересуют Чингизиды, тем или иным образом связанные с Москвой. Позволим себе незначительную ремарку в сторону автора. Рассматривая генеалогию Ак-Кобека, исследователь отмечает, что Агалак б. Махмудак скорее приходится ему двоюродным братом, нежели дядей, и видит в именовании его дядей не столько реальное родство, сколько указание на определенную политическую зависимость [20, с. 124]. Но в действительности подобная ситуация могла возникнуть по праву левирата. Укажем на сходную ситуацию среди Сибирских Шибанидов середины XVII в.: Девлет-Гирей б. Чувак назван дядей детей Ишима б. Кучума, Аблая и Тауке (Тявка), хотя он являлся их двоюродным братом. Оказывается, после смерти Ишима Девлет-Гирей взял себе в жены вдову своего дяди [10, с. 69; 37, с. 177]. Данный пример показывает, с какими трудностями можно столкнуться при интерпретации и сравнении тех или иных родословных связей Чингизидов. Сделанное наблюдение также относится и к проблеме установления родственных связей ногайских мирз (Идигеевичей). Д.Н. Маслюженко делает интересное наблюдение о том, что автор продолжения имеет явную близость во взглядах с русскими источниками и чрезвычайно слабо информирован в вопросах истории Сибири [20, с. 124]. Однако исследователь рассмотрел далеко не все сюжеты, приводимые в дастане. Здесь следует отметить, что до полной публикации источника его концовка не была известна широкому кругу исследователей. В ранее опубликованном отрывке дастана она отсутствовала. Помимо этого, отдельные части сочинения были переведены заново [22].

Дастан начинается строками: «Алтунай султан¹, его отец Кучум хан, его отец Муртаза...» [40, с. 82] Они несут очень важную для нас информацию. Восходящая генеалогия начинается от одного из сыновей сибирского хана

¹ Издатели дали титул с большой буквы, тем самым превратив его в часть имени, хотя далее хан написан с маленькой. В других местах султан обычно пишется с маленькой буквы. И вновь встречается с большой в имени царевича Джан Суvara.

Кучума – царевича (султана) Алтаная (Алтунай, Алтун Тай). В данном случае мы имеем прямое указание на сибирского царевича, в окружении которого, или же его личной библиотеке, бытовала в XVII в. рукопись Утемиш-хаджи, а впоследствии была переписана с добавлением или же кардинальной переработкой рассматриваемого нами дастана.

Нам необходимо обратиться к личности царевича. Он приходился младшим братом царевичам Али и Азиму (Хаджиму). Алтанай, скорее всего, добровольно явился в г. Тобольск в 1607/08 г. и до 20 июля 1608 г. тобольским воеводой кн. Р. Троекуровым царевич и его люди были отправлены в Москву. В Вологде стало известно, что путь на Москву закрыт Лжедмитрием II. Тогда сибирский царевич по распоряжению боярина и воеводы кн. М.В. Скопина-Шуйского отправился в Новгород. Здесь царевич оставался вплоть до захвата города шведами 11 июля 1611 г. С этого момента Чингизид оказался на положении знатного пленника. Это, однако, не помешало ему вместе с новгородцами во главе с кн. Ф. Оболенским совершить попытку неудачного побега. После чего его «привели к пытке» и отправили в заключение в ивангородскую тюрьму. Здесь он пробыл до начала лета 1614 г., когда царь Михаил Федорович не велел обменять его на пленного воеводу г. Волмера. Размен происходил в г. Гдове. А в середине июля Гдов осадили шведские войска. 10 сентября жители Гдова из-за сильных разрушений городских укреплений решили добровольно сдаться на милость победителя. Защитникам крепости разрешили беспрепятственно покинуть ее. Алтанай воспользовался этим и отправился в Псков. Из Пскова его уже отпустили в Москву.

В Москве царевич появиться к концу 1614 г. Алтанай получил вознаграждение за выезд. Ему также назначили поденный корм, а через некоторое время поверстали поместным жалованием и годовым денежным окладом, взяв для примера оклады его братьев: «2000 чети, денег 170 рублей – царевич Азим Кучумов, а ему, Алтаная царевичу, брат родной болшой; 1500 чети, 150 рублей – царевич Малла Кучумов, а ему, Алтаная царевичу, брат родной меншой».

Во второй половине 1618 г. он женится на дочери сибирского служилого царевича Мухаммед-Кула Атауловича (Мухаммед-Кул б. Ахмед-Гирей), племянника Кучума. В 1643/44 г. царевича испоместили в селе Ширенге с деревнями в Ярославском уезде², где традиционно проживало много знатных мусульман и новокрещенов. Возможно, данное село досталось ему в наследство от матери одной из его жен. После 1619 г. царевич постоянно проживает в г. Ярославле, где с конца XVI в. селили большую часть знатных выезжих мусульман.

В 1638 г. Алтанай и его старший брат Али приезжали в Москву. Тогда два брата приняли участие в судьбе своего сына и племянника Хансюера (Джансюера) б. Али, находившегося в это время в устюжской тюрьме. Уже в этом году его отпустили на поруки к отцу и дяде в Ярославль.

² В селах Ширинга (Ширенга) и Курба Закогоросльского стана были испомещены еще два сына Каплан, Алей Тугановы дети, а также Теникей Аксанов и Келмамет Теникеев Шейдяковы (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1625 г. Д. 2; Ф. 131. Оп. 1. 1616 г. Д. 2; 1619 г. Д. 6; 1621 г. Д. 18). В 1620/21 г. поместья значатся за Капланом, Канаем и Кельмаметом, мирзами Шейдяковыми. Позднее эти поместья перешли их детям Келешу Теникееву, Канаю Еналееву, Хану, Салтаная и Бию (?) Каплановым (РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1633 г. Д. 4.).

Второй раз Алтанай со своими детьми Дос-Мухаммедом (Дост-Мухаммед) и Иш-Мухаммедом приехал в Москву в 1653 г. Тогда царевичи принесли шерть (присяга на верность) московскому государю.

У Алтаная известны два сына: старший Иш-Мухаммед (Алексей) и Дос-Мухаммед (Петр), а также дочь. В 1654 г. царевичи приняли православие. Восприемником в обоих случаях был сам царь Алексей Михайлович, что дало их новое отчество – Алексеичи. Дети упоминаются только у царевича Алексея. От них и пошел род князей Сибирских, известный до настоящего времени [13].

Следующий сюжет, который мы затронем, связан со старшим братом Алтаная, султаном Али (Гали): «Могила Али³ хана находится в земле, называемой Кермен. У Али хана было три сына и одна дочь» [40, с. 84]. Али пленили около 1608 г. 15 апреля 1609 г. мы видим его «с братьями и с людьми» уже в Нижнем Новгороде [27, с. 43], где, по-видимому, он пережил наиболее опасный период Смутного времени. 11 июля 1613 г. отказали сибирскому царю Алею Кучумовичу с детьми Хансюером и Яншиком (Янсюер?) в поместье в Вологодском уезде село Никольское Старое на р. Кубенице с 17 деревнями, на 1050 чети против отписанного на государя пошехонского их поместья⁴. Кучумович и это поместье не удержали за собой. Вскоре его испоместили в Ростовском уезде⁵. Проживал он либо в своем поместье, либо в Ярославле. В 1640 г. царя, по его просьбе, отпустили на жительство к единственному оставшемуся в живых к этому времени своему потомку, внуку Сеид-Бурхану, в Касимов (Кермен, Хан Кермен), где он умер 27 сентября 1649 г. и был похоронен, по-видимому, в несохранившемся до наших дней текие его сына Арслана⁶. Еще находясь в Сибири, Али принял царский титул. После Смуты московские власти признали его за Али. Это было сделано для легитимизации прав на Сибирь московским государем. Пока в России жил плененный сибирский царь, новый появиться не мог. Безусловное царское (ханское) достоинство признает за Али и продолжатель.

Одной из проблем генеалогии Кучумовичей остается количество сыновей у Али. Продолжатель Утемиш-хаджи указывает, что их было четыре. Трое находились с отцом в России, четвертый же якобы был похоронен в Уфе. Сюжет с погребением в Уфе рассмотрен Д.Н. Маслюженко. По его мнению, на самом деле речь идет о местности Явсугум между Волгой и Яиком, где кочевал бывший союзник Кучума ногайский мирза Али б. Ураз-Мухаммед, к которому были близки мирзы Байтерековы, шурья Али б. Кучума [20, с. 128]. Рискнем предположить, что продолжатель искажил информацию, и Али похоронил не сына, а отца, хана Кучума.

Но вернемся к детям Али. Сам царь в своей челобитной утверждает, что их было четыре⁷. Не вызывает сомнений старший сын – Арслан (Араслан, Раслан в русских источниках). Далее начинаются разногласия. В источниках встречается три имени: Хансюер, Янсюер и Канчувар (Кансувар). В.В. Вель-

³ Издатели приводят в тексте оба прочтения данного имени.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 14863. № 62. Л. 567–571 об.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 117. Д. 1551. Л. 253–254; Ф. 131. Оп. 1. 1638 г. Д. 2. Л. 53.

⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1649 г. Д. 35. Л. 54.

⁷ РГАДА. Ф. 131, Оп. 1. 1638 г. Д. 4. Л. 1.

яминов-Зернов считает, что это только искаженная передача имени Янсюер (Джансюер) [16, с. 198–200]. Следует отметить, что Г.Ф. Миллер считает Канчувара сыном Кучума. Такой царевич действительно, по-видимому, был [21, с. 35, 36, 212, 231]. В таком случае он попал в плен в царствование Бориса Годунова и тогда же, судя по всему, был отпущен обратно. Скорее всего, с этим следует согласиться. Путаница ведет свое начало с В.В. Вельяминова-Зернова [16, с. 198–200]. Он, в свою очередь, ссылается на сочинение И.Е. Фишера [42]. Г.Ф. Миллер подтверждает наличие четырех сыновей Али б. Кучума в России. Документы, в которых Хансюер и Янсюер упоминаются одновременно, снимают вопрос об их тождестве. При этом мы с высокой степенью достоверности можем утверждать (по размерам поместного и денежного окладов), что Хансюер был старшим среди них [28, с. 254]⁸. Автор продолжения называет их Сувар и Джан (Хан) Сувар и называет тот же порядок старшинства. Далее начинаются разночтения. По сведениям «Кара таварих», четвертый сын был похоронен отцом еще до выезда в Россию [40, с. 84–85]. Однако русские источники упоминают некоего царевича Кутлугана, умершего 2 октября 1623 г. В 1619/20 г. он получал поденный корм в Ярославле в 15 копеек, с 1622/23 г. – 25 копеек⁹. Судя по всему, Кутлуган и Хансюер – это те два царевича, которых взял в плен 24 июля 1607 г. тюменский воевода М.М. Годунов [21, с. 37, 243]. Однако в литературе можно встретить утверждение, что Янсюер после 1599 г. был отпущен в Сибирь. Здесь он принял активное участие в ряде набегов на русские поселения и вновь попал в плен в 1607 г. Это мнение следует признать ошибочным. Это очередной пример, когда биографии разных лиц со схожими именами по той или иной причине смешиваются исследователями. Таким образом, сыновей Али звали Арслан, Янсюер (Яншик?), Ханчюер и Кутлуган. Известна в России и дочь Али, сестра Хансюера [1, с. 1–23]. Ее имя нам удалось найти единожды. Но документ дошел до нас в сильно испорченном состоянии, поэтому полное имя нам неизвестно, от него сохранилось только «джан». Однако используя иные листы этого дела, мы с высокой степенью достоверности можем утверждать, что ее звали Ханым-джан¹⁰. Далее она в документах не встречается. Однако Ханым звали младшую супругу Шарманшанского царевича Шейх-Мухаммеда б. Мухамеда¹¹. Быть может, это она?

Джан Сувару (Хансюер, Джансюер) б. Али (ок. 1594 г. рождения) со своей матерью, дочерью ногайского бия Дин-Ахмеда Хандазой (Кандазой), и сестрой был пленен в 1598 г. Старший, Арслан, выехал в Москву добровольно около 1604 г. [34, с. 165–166]¹².

В 1614 г. Арслан провозглашается царем Касимовским. Автор продолжения пишет об этом с очень странной формулировкой: «Отдав шестьдесят салани (?), которые выплачивались его отцу, старшего сына Арслана русские неверные сделали ханом в ханстве Хан Керман». Что такое «салани» на настоящий момент установить невозможно. Скорее всего, это искажение какого-то тюркского термина, обозначавшего некую фиксированную выплату за службу. Однако и

⁸ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1619 г. Д. 2. Л. 4, 6; 1638 г. Д. 4. Л. 2.

⁹ РГАДА. Ф. 130. Оп. 1. 1623 г. Д. 10. Л. 7–8; Ф. 131. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 53.

¹⁰ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 45, 50, 76.

¹¹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1623 г. Д. 10. Л. 9.

¹² РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1622 г. Д. 1. Л. 27–28.

Али, и Арслан были наделены обширными поместьями. Здесь еще предстоит разбираться. Автор продолжения абсолютно правильно называет количество детей Арслана – сын и две дочери. И приводит имя сына – Сайид Бурхан (Сеит-Бурхан (Сеид-Бурхан) русских источников). При этом сайид (сеид) на самом деле не часть имени царевича, а указание на то, что он является потомком Пророка. Его мать Фатима Шакулова происходила из рода известных касимовских, а до этого крымских сеидов. Дети от браков дочерей сеидов с не сеидами получали все права потомков Пророка, в том числе и приставку к имени. Да и имя царевичу, судя по всему, дали в честь одного из предков его матери [15]. С дочерьми, однако, не все так просто. Дело в том, что у Арслана в действительности была одна родная дочь Салтыкай (от. царицы Карачай, дочери сибирского абыза Ибердея и вдовы царевича Азима (Хаджима) б. Кучума). Вторая дочь Алтин (Алтын-сач) на самом деле была падчерицей Арслана и дочерью царевича Хаджима от царицы Карачай¹³. Алтин позднее станет супругой хивинского царевича Авган-Мухаммеда б. Араб-Мухаммеда.

Следующий сюжет связан с именем последнего касимовского царя (хана) Сайид Бурхана (Сеид-Бурхан): «Русские сделали его сына Сейид Бурхана вероотступником и повесили на его шее крест. Он разрушал мечети и медресе, стал ярым неверным». Сеид-Бурхан унаследовал Касимов в младенчестве. Он родился в 1624 г. И на момент смерти отца, 2 апреля 1626 г.¹⁴, ему было около двух лет. На долгие годы власть захватили мать царевича и ее родственники, сеиды Шакуловы. Это привело к тому, что практически все родственники Арслана (тетки и даже часть жен и дочери) перебрались в Ярославль¹⁵. Царевич долгие годы никак себя не проявлял. Однако в 1653 г. в Москве было принято решение о крещении имевшихся в России младших царевичей Кучумовичей. С детьми Алтаная проблем не возникло. Они пошли на этот шаг, после чего стали завсегдатаями дворцовых церемоний. А вот с Сеид-Бурханом все пошло не так гладко. В начале он согласился на крещение и был помещен в подначальство (стандартная процедура, делалась для ознакомления с основными правилами православия) в Кремлевский Чудов монастырь. Однако, когда дело дошло до крещения, он отказался [18, с. 71–72]. Причины этого до конца не понятны. В конце концов, крещение все же состоялось: теперь Сеид-Бурхан стал Василием Араслановичем. Но факт остается фактом: это единственный известный нам пример, пусть и временного, но сопротивления принятия православия Чингизидом.

Следует остановиться и на обвинении в разрушении мечетей и медресе. Документально медресе в Касимове XVII в. неизвестны. Хотя это не значит, что их не было. Мечетей, судя по всему, было несколько. При этом одна из них, каменная, постройки середины XVI в., находилась на территории его двора. Разрушить ее мог только он. Однако данное обвинение более чем беспочвенно. В живых оставалась мать царевича, Фатима Шакулова, оставшаяся мусульманкой. Она, кстати, переживет сына на два года и умрет в более чем преклонном возрасте в 1681 г. Народная молва сохранила в памяти свидетельства ее крутого нрава [43, с. 138]. Она просто не разрешила бы сде-

¹³ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1628 г. Д. 10. Л. 1.

¹⁴ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 1–3.

¹⁵ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1628 г. Д. 10.

лать это своему сыну. Последние исследования показали, что разрушение касимовской мечети произошло в 1760-е гг. камер-цалмейстером Д.А. Симоновым, которому 2 апреля 1754 г. были пожалованы часть бывших поместий касимовских царевичей и их городской двор. К этому времени мечеть была уже в аварийном состоянии: «...да возле саду мечеть каменная круглая, во многих местах обвалилась, вышиною сажень 10-и...». Однако ее разрушение началось, явно, не ранее смерти царицы Фатимы. Возможно, она оставалась действующей до передачи дворового места, на котором она стояла, Петербургскому госпиталю «на содержание больных и раненых и отставных солдат» [41]. В любом случае обвинение в разрушении мечети / мечетей было явным наговором или, если хотите, определенным полемическим штампом. После смены (предания) веры человек, тем более царевич, просто обязан вести гонения против прежней своей религии и ее культовых объектов.

Автор продолжения подробно останавливается на судьбе младшего сына Арслана, Джан Суваре (Хансюер), и приводит поистине уникальные свидетельства: «Хан Сувар Султан, взяв жену, пришел в вилайаты Крыма. Вместе с крымскими завоевателями Мухаммад Кирей и Шахин Кирей султаном ходили в походы. Хазрети Мухаммад Кирей хан подарил ему трех девушек. Много лет жил он в трех деревнях в удовольствии, родились у него два сына и одна дочь. Один сын умер, будучи молодым, другой остался жить, его звали Ахмед Кирей по прозвищу Хаварезм, его упоминали по прозвищу. В результате он стал казаковать вместе с Шахин Киреем. На берегу Дона его захватили казаки. Скончался он в Хан Кермене» [40, с. 85].

Русские источники также донесли до нас историю царевича. Правда здесь она звучит несколько по-иному. В 1613–1615 гг. Хансюер находился под Смоленском с братом Янсюером и тремя дядями (по-видимому, это были испомещенные царевичи Молла (Молта), Азим (Хадумм, Хаджим), имя третьего установить не удастся) в полку воевод кн. Д.М. Черкасского и кн. И.Ф. Троекурова, откуда с боя отъехал в Литву. Не получив там желаемого содержания (находился «бес приюта... и жалованья»), он перебирается в Крым. Здесь он оставался достаточно долго. При этом смена ханов не влияла на его судьбу. Все изменилось в 1628 г. В Стамбуле решили заменить хана Мухаммад-Гирея на Джанибек-Гирея, уже бывшего до этого крымским правителем. 21 июня он прибыл в Крым в сопровождении 60 каторг и 20 кораблей. Калга Шахин-Гирей, а позднее и сам Мухаммад-Гирей, оказались у запорожских казаков. Их сторонников в Крыму было мало, поэтому силой захватить власть они не могли и планировали только опустошительный набег при активном участии казаков и польского короля. По другим данным, калга находился в плену у черкасс (запорожских казаков) [29, с. 69, 71, 95–96, 101]. Хансюер, судя по всему, по неизвестным нам причинам боялся возвращения Джанибека. Скорее всего, он сыграл какую-то неблагоприятную роль при его смещении. Поэтому посчитал за благо оказаться в окружении калги Шахин-Гирея. Весной 1628 г. соединенное войско черкасс, казыевских ногаев, опального хана и калги было разбито крымскими татарами. Мухаммад-Гирея убили сами запорожцы. Калга и царевич Хансюер с небольшим отрядом ближайших сторонников пытались пробраться на Северный Кавказ к родственникам матери Гирея. По дороге на них напали казаки, захватили в плен Кучумовича и отправили его в Москву. В итоге, 25 марта 1630 г. он был сослан в Соль Камскую (Соликамск), в специально

построенную для него тюрьму. Следует отметить, что в крымских посольских делах не обнаружено упоминания имени царевича. Возможно, это можно интерпретировать как незаинтересованность Москвы в Чингизиде. Он рассматривался как слишком малая величина для того, чтобы его судьба отягощала и без того непростые русско-крымские отношения. В 1635 г. стало известно, что его брат, сибирский царевич Аблай б. Ишим, призывал калмыков совершить поход на Соль Камскую и освободить Хансюера. Так как «город погнил, худ», свинца и служилых людей было мало, царевича перевели в Устюг. Для этих целей там построили новую избу, огородили ее крепким тыном и «держали за сторожи с великим береженьем». В 1638 г. его отец, сибирский царь Али, и дядя, царевич Алтанай, упростили Михаила Федоровича отпустить сына в Ярославль на поруки. Поручную запись подписали царь Али и царевич Алтанай [28, с. 254]¹⁶. Она упоминается в Описи Архива Посольского приказа 1673 г. [25, с. 328].

Мы видим, что обе истории имеют много общего, но в тоже время в них содержатся и принципиальные противоречия. Предпримем попытку объединить их. Между 1613 и 1615 гг. царевич абсолютно осознанно покидает пределы России и оказывается на территории Речи Посполитой. Что послужило причиной, мы, пожалуй, никогда не узнаем. Но на новом месте Кучумовичу также не понравилось. Оказалось, что там он никому не нужен и остался «бес приюта... и жалованья». Если довериться сведениям продолжателя, путь Хансюера из Речи Посполитой в Крым лежал через ногайские степи. Только там он мог найти себе жену достойного себя статуса. Дочери ногайских мирз долгое время являлись традиционными брачными партнерами Чингизидов. Да и мать его была дочерью большеногайского бия Дин-Ахмеда б. Исмаила. Царевич мог направиться к своим дядьям и двоюродным братьям. Но Большая Ногайская орда переживала в это время не лучший период. По замечанию В.В. Трепавлова, это был период ее агонии [35]. Ногайским родственникам не нужен был еще один повод для раздражения все набирающей силы в регионе Москвы. Искать сибирских родственников также не было смысла. Хансюер отправился в Крым. Точнее, если идти за источником, «в вилайаты Крыма» [40, с. 85]. По-видимому, под ними следует понимать опять же таки места расселения ногаев, признававших власть крымского хана. Хотя позднее он явно попадает в сам Крым. Здесь царевич оказался принят значительно лучше. Ему пожаловали доходы с трех деревень. Также хан подарил ему трех девушек (по-видимому, воспитанниц ханского гарема). У него рождаются дети. В таком случае царевич должен был занять почетное место среди иных крымских огланов.

В документе под названием «Вся мощь из Крыма из нагаев, белгородцев, очаковцев и добужан», представляющем собой реестр орды на 1649 г., отмечен как отдельная единица отряд из 500 уланов [5, с. 88]. Оглан (букв. «сын», «ребенок», в России – «улан») – наименование всех представителей Чингизидов из династий Джучидов, Чагатаидов и Хулагуидов. У Джучидов в XV в. с победой семейного принципа наследования над общеродовым для обозначения царевичей стали употреблять понятие «султан», а оглан понижается в социальной иерархии. Теперь огланы – это представители дома Джучи, не

¹⁶ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1631 г. Д. 2; 1635 г. Д. 1; 1638 г. Д. 4.

принадлежащие к семье правящего хана [32, с. 32]¹⁷. В Крыму огланы выполняли не только военные функции. Они также регулярно отправлялись в составе посольских миссий, а порой и возглавляли их. Среди лиц ханского двора, кому полагались посольские поминки, огланы упоминаются регулярно.

Далее начинаются недомолвки или даже явные подтасовки. Хансюер должен был появиться в Крыму в первое правление хана Джанибек-Гирея (1610–1623 г.). Однако автор продолжения говорит только о его приемнике Мухаммед-Гирее III (1623–1628 г.). По-видимому, с этим султаном Хансюеру удалось наладить особенно теплые отношения. По крайней мере, когда Данибек-Гирей в 1628 г. был возвращен на престол турецким султаном, царевич посчитал лучшим для себя остаться верным Мухаммад-Гирею. Или же он опасался мести за что-либо со стороны Джанибек-Гирея. При сплошном изучении русско-крымских посольских документов той эпохи, возможно, нам удастся разгадать эту загадку. Пока же мы можем констатировать только тот факт, что царевич поддержал Мухаммад-Гирея и его калгу Шахин-Гирея. После их разгрома Хансюер и Шахин-Гирей направились на Северный Кавказ в Малую Ногайскую Орду, «в казыев кабак Кабаву». По дороге на урочище Тюгульник у них завязался спор. Хансюер якобы стал предлагать ехать в Астрахань. Но это нам известно только с его слов после пленения. В это время на них напали донские казаки и захватили Хансюера в плен. Шахин-Гирей ушел с боя. Обвиненный в измене, Хансюер был посажен в опальную тюрьму в Соли Камской, а затем в Устюге Великом. Возможно, его первоначально приговорили к смерти, которую тут же заменили пожизненным заключением¹⁸. Позднее, по челобитью отца и дяди, его на поруки отпустили в Ярославль. Автор дастана утверждает, что Хансюер скончался в Касимове. У нас нет уверенности в этом. Дело в том, что в сообщении о смерти царя Али рассказано о переезде в Касимов, но ничего не говорится о переезде с выданным на поруки опальным сыном¹⁹. Скорее всего, тот уже умер к этому времени. Таким образом, известие о смерти царевича можно рассматривать как определенный конструкт. Для чего это было сделано, мы объясним ниже.

Нельзя не отметить тот факт, что автор продолжения делает изгнанником не самого Хансюера, а его сына Ахмед-Гирея²⁰. Но это явная ошибка. Начнем с того, что к 1628 г. этому царевичу, если он действительно существовал, в самом лучшем случае было бы только 14 лет. Несколько странным выглядит и его прозвище – Хаварезм (Хорезм?). Иных упоминаний об этом человеке у нас нет. Здесь мы вправе поставить вопрос о том, насколько возможны были контакты между Чингизидами, проживавшими в России, и Крымом. Несмотря на всевозможные препоны, которые ставила Москва для подобного общения [43,

¹⁷ Отличительной особенностью уланов, и не только в Крыму, являлись головные уборы с пышными султанами. Отсюда и отличительный знак польских уланов. Первые уланские подразделения набирались из литовских татар. Кстати, в Пруссии уланы имели сходный головной убор и также набирались из мусульман [38, с. 33–34].

¹⁸ Следует подчеркнуть, что в России XVI–XVII вв. по отношению к знатым тюркским выходцам или же пленникам смертная казнь применялась в исключительных случаях и только как устрашающая акция.

¹⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1649 г. Д. 35. Л. 54.

²⁰ На самом деле текст в этом месте построен так, что вынужденным казаковать царевичем мог оказаться и Хансюер. Автору по большому счету это безразлично. Важнее показать пример жизни, если хотите, истинного мусульманина.

с. 69–71], непреодолимых преград здесь, по-видимому, не было. Источником информации и каналом ее передачи могли служить в том числе и татарские переводчики Посольского приказа. Многие из них были выходцами из Касимова, а некоторые до этого служили при дворах сибирских Шибанидов и находились с ними в свойстве. В рассматриваемое нами время это был в первую очередь Абдулла Безерген сын Байцын. Его отец, Безерген абыз Байцын, в своей челобитной указывал на то, что он выехал из Сибири еще при царе Федоре Ивановиче и по выезде «пристал» к сибирскому царевичу, племяннику хана Кучума, Мухаммед-Кулу б. Ахмед-Гирею (Атауловичу). Данный выбор оказался не случаен. Дело в том, что «большая» жена царевича, царица Алмабийим, являлась его двоюродной сестрой²¹. Напомним, что дочь Мухаммед-Кула станет женой Алтаная. Несколько позднее в приказе служил еще один касимовский выходец – Сулейман мирза Сагеев сын Тонкачев [12, с. 335]. В начале XVIII в. здесь же будит служить и его сын Кутлумамет Сулейманов сын Тонкачев²². Запомните этот род, он еще встретится нам.

Как не трудно заметить, образ племянника (Сеид-Бурхан) и дяди (Хансюер) помещены автором продолжения как своеобразная антитеза. С одной стороны мы видим вероотступника, который становится яростным противником веры предков. Его преступление против веры воспринимается как более ужасные, если вспомнить, что он по матери являлся потомком Пророка. С другой – пример человека явно, не согласного с подобным развитием дел и протестующего против установившихся новых порядков. Протест выразился в виде отъезда в Крым. За это он получает заслуженную награду. Смазанной получилась только концовка. Жизнь царевича разрушена, он в начале становится «казаком»²³, затем он попадает в плен к тем же неверным, от которых перед этим сам бежал, и находит последнее упокоение все в том же Касимове (Хан Керман). Но, как мы видели выше, подобная трактовка событий не выдерживает критики. Для чего это было сделано? Попытаемся разобраться.

В какое время и где могло быть написано продолжение? Датировка переписчика рукописи не выдерживает критики. Подавляющее число описываемых событий произошло значительно позднее 1611 г., даты, указанной переписчиком рукописи на обложке [40, с. 6]. Возможно, в 1611 г. был сделан список рукописи, с которого в свою очередь был сделан список с помещенным текстом продолжения. Текст продолжения не мог быть приписан к старой рукописи позднее. Почерк на месте состыковки текстов не имеет явных отличий. К глубокому сожалению, мы не имеем палеографического описания рукописи. Издателям была доступна только фотокопия. Поэтому мы не можем датировать бумагу. Мы даже не знаем, когда был сделан этот список «Кара таварих». Это могло произойти как во второй половине XVII в., так и в более поздний период, вплоть до рубежа XIX–XX в.

Крайним, точно устанавливаемым хронологическим рубежом является дата крещения Сеид-Бурхана – 1654 г. Однако автор пишет об этом событии как

²¹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1627 г. Д. 7. Л. 1.

²² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1703 г. Д. 44; 1705 г. Д. 5; 1706 г. Д. 23; 1707 г. Д. 3, 52.

²³ Казаковать в данном случае – это пытаться выжить, в том числе и за счет разбоя, в пограничных регионах, где чья-либо власть была наименее заметна. О термине казак см.: [14, с. 168–171; 32, с. 24–27].

об относительно давно случившемся факте. При этом обращает на себя внимание одна интересная странность. Автор продолжения описывает историю только детей Арслана б. Кучума. Остальные ветви Кучумовичей принципиально игнорируются. При этом отношение к потомкам Арслана либо нейтрально, либо резко негативное. Но самое главное, мы не видим истории рода царевича Алтаная. А ведь именно с него начинается восходящая родословная, помещенная в самом начале дастана. По нашему мнению, причина этого кроется в следующем. Практически все наличные мужчины, потомки хана Кучума, и в России после 1653 г. под нажимом Москвы приняли православие. Мусульманами остались царевич Алтанай и две его жены, мать Сеид-Бурхана Фатима сеид Шакулова, а также сын царевича Аблая б. Ишима б Кучума с семьей («Кан Сюю царевич з женою и сыном, и с племянницею, да сибирского ж царевича Чичилея жена»), плененные около 1662 г. под Уфой и содержавшиеся в тюрьме в Галиче [10, с. 80]. Алтанай вскоре умирает. В живых остаются две его жены, встречающиеся в документах до 1670–80-х гг. Учитывая вышеизложенное, текст продолжения мог возникнуть только в окружении жен Алтаная. Это объясняет все странности текста: более чем отрывочные знания генеалогии, умалчивания о крещении детей Алтаная при негативной оценке Сеид-Бурхана (Василий Арасланович), полное игнорирование иных вервей рода в России. Перед нами пример психологической компенсации. Отпадение от истинной веры своих собственных детей оправдывается умалчиванием при параллельном подчеркивании негативных действий иных представителей рода, из других ветвей. При этом осознанно меняются оценочные знаки с плюса на минус. Сеид-Бурхан, по крайней мере, сопротивлялся какое-то время крещению. Дети Алтаная, судя по источникам, приняли его безропотно. Тогда становится понятным, для чего понадобился образ Хансюера. Это пример, если хотите, истинного мусульманина, каким должны были стать их собственные дети. Становится понятно, почему родословная фактически прекращается на детях Кучума. Писать о крестившихся или уже рожденных в православии было нельзя. Поэтому, с точки зрения автора или же заказчика, пропусков здесь нет. Великий род сибирских Шибанидов пресекался. А перед нами – коллективная эпитафия по всем его представителям.

Говоря о женском влиянии на текст дастана, можно привести как пример события, развернувшиеся в Мещере в самом начале 1680-х гг. По указу от 16 мая 1681 г. у всех служилых татар, остававшихся верными исламу, предписывалось отнимать православных крестьян, дабы защитить их от порухи христианской веры. Это привело к оттоку части татар из региона на восток, а также к ряду фактов смены религии, в том числе и ложных. При этом, судя по сохранившимся документам, женщины, порой, были более принципиальны в вопросе веры и отказывались креститься, хотя бы и ложно, вслед за своими мужьями, даже под угрозой монастырского заключения²⁴.

Сложнее, если возможно, установить круг лиц, которые могли быть причастны к написанию продолжения. Нам известны имена жен Алтаная. Это ханым Джан тата Алеева мирзина дочь²⁵ и Девлет (Даулет) пача Смолянова²⁶, пережившие своего супруга, умершего около 1655 г. Они получали месячный

²⁴ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. 1681 г. Д. 1.

²⁵ РГАДА. Ф. 130. Оп. 1. 1678 г. Д. 1.

²⁶ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1671 г. Д. 1. Л. 3.

корм и жили в Ярославле²⁷. Девлет пача умерла между 1673 и 1677 гг.²⁸, а Джан тата не ранее 1688 г.²⁹ Известно, что Дос-Мухаммед (Петр) являлся сыном ханым Джан тата³⁰. Предпримем попытку установить происхождение этих женщин. Чингизиды в России обладали очень высоким статусом. По своему положению они стояли сразу за московским царем и его детьми. Поэтому логично предположить, что жены Алтаная также должны были происходить из заметных мусульманских родов. Наиболее подходящими претендентами на роль брачных партнеров с Чингизидами в России, помимо самих представителей «золотого рода», являлись служилые ногайские мирзы. Потомки Идиге, дети и внуки ногайских биев, они традиционно пользовались большим уважением. Однако с XVI в. наибольшим статусом в Москве обладали мирзы / князья Шейдяковы. Речь идет о потомках ногайского бия Саид-Ахмеда (Сейтяк, Шейдяк, Шидак) б. Мусы. Они имели почти исключительное право среди иных ногайский мирз на браки с Чингизидами.

Где-то в конце XVI в. в России оказались Еналей (Джан-Али) мирза, Каплан мирза и Алей мирза Тугановы дети Шейдяковы, их мать Девлет-тотай и их дядя, Теникей мирза. О Теникее единожды отмечено, что он – Оксаров (Аксаров) сын³¹. Однако являлись ли Туган и Теникей родными братьями, не вполне понятно. Алей и Каплан впервые встречаются в документах за 1609/10 г. [31, с. 309]. Еналей погиб под Москвой при Василии Шуйском, «как стоял под Москвою Вор». Хотя, судя по всему, перед нами пример полуправды, так свойственной участникам событий Смуты. Алей Шейдяков был убит 11 декабря 1610 г. в Калуге казаками в отместку за смерть Лжедмитрия II [19, с. 175; 1, №307]. У него известен сын Зорбек, прижитый с наложницею. Уже после рождения Зорбека, Теникей Шейдяков дал за племянника свою родную сестру. Наложницу же с ребенком взял к себе «для того чтоб она у Еналей мирзы не была, что сестре ево с нею быть не пригоже». После смерти Теникея Зорбек с матерью продолжал жить у его сына Клеша. При этом статус наложницы был весьма не определен. Зорбек утверждает, что Теникей «взял (ее – А.Б.) за себя по своей вере». Дядька (аталык) Зорбека Торпай говорит, что Теникей взял ее к себе «кормить». Когда же мать умерла (около 1614 или же 1616 г.), Зорбек продолжал жить у своего двоюродного дяди / сводного брата Клеша (Келмамет, Кул-Мухаммед, в крещении Артемий) мирзы. Однако в 1619 г. (или же 1621 г.) Клеш якобы захотел похолопить Зорбека. Тому ничего не оставалось, как бежать в Москву, где вскоре он крестился с именем Федор [36, с. 330–331]³². Вскоре его женили на дочери князя Р.П. Пожарского [26, с. 69; 4, с. 157]. Алей Туганов, скорее всего, и являлся отцом ханым Джан тата Алеевой мирзиной дочери³³.

²⁷ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1663 г. Д. 1; 1664 г. Д. 1.

²⁸ РГАДА. Ф. 130. Оп. 1. 1682 г. Д. 7. Л. 66.

²⁹ РГАДА. Ф. 130. Оп. 1. 1682 г. Д. 7. Л. 14.

³⁰ РГАДА. Ф. 130. Оп. 1. 1682 г. Д. 7. Л. 12.

³¹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1622 г. Д. 1. Л. 4.

³² РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1619 г. Д. 6; 1621 г. Д. 18.

³³ РГАДА. Ф. 130. Оп. 1. 1678 г. Д. 1.

У Федора-Зорбека имелись сводные братья Канай и Девлет (Девлет-Мамет³⁴) Еналей мирзины дети Шейдяковы³⁵. Канай (Алексей) Шейдяков упоминается в полку князя Ю.Я. Сулешева уже в 1616/17 г.³⁶ А в 1620/21 г. ему на свадьбу дали 30 рублей³⁷. Он тогда женился на племяннице касимовского царя Арслана б. Али. Имя невесты и ее отца неизвестно³⁸. В 1634 г. его имя фигурирует в связи с поземельным спором между его двоюродными братьями Каном (Ханом) и Салтаном Каплан мирзинными детьми³⁹. В 1625 г. Девлет отмечен как кормовой иноземец в Ярославле⁴⁰. Он умер в Великий пост 1646 г. [14, с. 103]⁴¹. У него известна дочь Ирина от царицы Молдур, дочери сибирского хана Кучума. Дочь приняла православие в 1652 г.⁴² У Девлет-Мамета была еще одна жена, касимовская царица Над-ханиша (Нагел) Карамышева дочь Мусайтова [8], вдова касимовского царя Арслана б. Али [14, с. 299; 7]. Канай принял крещение с именем Алесей. Московский дворянин Алексей Еналеев мирзин сын известен в боярских списках с 1651/52 г. На следующий год он отмечен «за приставом» за попытку отъехать со своими сыновьями в Польшу [24, с. 242], а в 1653/54 г., по-видимому, умер [6, с. 311–313]. У Каная известны двое сыновей – Сафа-Гирей (Василий) и Шин-Гирей (Никифор)⁴³. Скорее всего, его сыном был и московский дворянин Дывыд Алексеев, упоминаемый в 1675/76 – 1676/77 гг. [3, с. 469]. Это далеко не все Шейдяковы, известные в России XVII в. Но из-за размера статьи мы посчитали вполне достаточным помещенной информации.

Установить происхождение Девлет пачи Смоляновой несколько сложнее. По-видимому, она происходила из касимовских служилых татар. В городе с середины XV в. известен род князей Тонкачевых (из рода кыпчак), пожалуй, один из наиболее заметных в регионе. Одним из боковых ответвлений рода стали князья / мирзы Булушевы. Вполне возможно, что Отец Девлет пачи имел следующую генеалогию: кн. Смолен б. кн. Булуш б. кн. Салтангалыч б. мирза Салтанахмет б. кн. Тонкач. Кн. Тонкач участвовал в походе 1491 г. касимовского (крымского) царевича Сатылгана против Большой Орды. Князь Болуш князь Салтанглычев сын упоминается в трех записях 1594 г., в которых он производит отдел поместья служилому татарину в с. Подлипки. Во всех трех документах приложена его печать. По всей видимости, он занимал какую-то административную должность⁴⁴. «Кипчак Тукай бик», принимавший участие в

³⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1622 г. Д. 22.

³⁵ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1631 г. Д. 1. Л. 3.

³⁶ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1631 г. Д. 1. Л. 3.

³⁷ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1630 г. Д. 5. Л. 16.

³⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1619 г. Д. 5. Л. 276–280.

³⁹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1634 г. Д. 1.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1625 г. Д. 5.

⁴¹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1650 г. Д. 65. Л. 1; 1652 г. Д. 9. Л. 3; Ф. 141. Оп. 1. 1646 г. Д. 113 а. Л. 73.

⁴² РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1652 г. Д. 5. Л. 1.

⁴³ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1645 г. Д. 1.

⁴⁴ Возможно, во второй половине XVI в. в Мещере существовало параллельное администрирование русского, татарского и мордовского населения. О мордовских приказах хорошо известно. А вот о мусульманах, которые могли выполнять воеводские функции, есть только отдельные упоминания. Вполне возможно, русское (православное) население какой-то период ведалось русскими воеводами (осадными головами), а татарское (мусульманское) – неким аналогом русских воевод, назначавшимися из наиболее авторитетных местных служилых татар.

интронизации в г. Касимове касимовского царя Ураз-Мухаммеда б. Ондана в 1600 г., поднимал его на кошке, был родным братом Смолена. Сын Смолена, новокрещен кн. Иван («Смоил»), являлся одним из лидеров мещерских татар в Смуту [2]. Таким образом, род относился к элите касимовских татар. Отдельные представители обширной семьи служили в Посольском приказе, Коллегии иностранных дел и, возможно, в министерстве Иностранных дел переводчиками с XVII по XIX в.⁴⁵ Последний факт также немаловажен для нас. Мы можем утверждать, что в семье существовала устойчивая традиция передачи грамотности, при этом, по-видимому, в широком понимании этого слова. Помимо русского, татарского, турецкого языков, отдельные представители рода заявляли и о некотором знании персидского. Если наши догадки о происхождении Девлет пачи Смоляновой верны, то среди жен Чингизидов, проживавших в Московском государстве в XV–XVI вв., следует искать и других княжон Тонкачевых. Также татарские цари и царевичи могли отдавать за представителей этого рода своих дочерей. Брак Алтаная не мог быть случайным спонтанным решением. У подобных действий должна быть предыстория, углубленная, порой, не на одно столетие. Кстати, Девлет пача приходилась упоминаемому нами переводчику Посольского приказа Сулейману Сагееву (Сорееву) сыну Тонкачеву четырехьюродной теткой.

Если наши предположения верны, то перед нами круг основных информаторов, а также и возможных авторов рассматриваемого нами текста. Нужно отметить, что значительная часть из этих лиц проживала компактно в Ярославском и Ростовском уездах. Они регулярно общались и делились различной информацией. Нельзя не отметить тот факт, что череда крещений, и более чем массовых, также не прошла стороной эту большую семью Шейдяковых. Да и эксперименты по подталкиванию татар к принятию православия начались здесь несколько ранее, нежели в Мещере [9]. Данные факты, безусловно, повлияли на автора продолжения. Нельзя не отметить тот факт, что семейство Алтаная по отдельным позициям кардинально отличалось от иных знатных татарских выходцев. Всем им полагалось поденное питье, выдававшееся в значительных количествах водкой, питьевыми медами и пивом. Царевич единственный отказывался от алкогольных напитков и просил компенсировать их дополнительными денежными дачами в размере стоимости питья. Произошло, однако, это не сразу. Впервые подобная просьба фиксируется в 1640 г. [14, с. 345]. По-видимому, образ жизни и взгляды царевича со временем менялись. Факт отказа от алкоголя может свидетельствовать о том, что к старости он стал более религиозным. Не могло это не влиять и на его окружение⁴⁶.

Нельзя не отметить и образ Касимова (Хан Кермана), возникший под пером продолжателя Утемиш-хаджи. Во-первых, это единственный документ известный на настоящий момент, где говорится о Касимовском (Хан Керманском) ханстве (царстве). Все русские документы говорят о касимовских («на Касимове») царях и царевичах, но не о царстве. Особенно странно видеть это

⁴⁵ РГАДА. Ф. 286. Оп.1 д.740 Л. 240–251.

⁴⁶ Следует отметить, что отказ от алкоголя мог носить и иную причину. Известно, что у одного из его сыновей, Дост-Мухаммеда (Петр Алексеевич), впоследствии фиксировалась слабость к спиртным напиткам. В 1667 г. его даже насильно отправляли в Савино-Сторожевский монастырь «от пьянства вытрезвить» [14, с. 144–145].

в момент, когда данное образование окончательно превратилось в фикцию. Но Касимов имеет в данном сочинении еще одну важную функцию – куруга – места сосредоточения родового некрополя всех служилых Чингизидов, в том числе и Кучумовичей в России, аналог г. Сарайчука. При этом можно привести определенные параллели между Касимовом и Сибирью. Известно, что на Востоке (в том числе и в Западной Сибири) большое распространение получил культ мусульманских святых. Места их погребения (астана) у тоболо-иртышских татар до настоящего времени являются паломническими центрами. Также известны хранители этих святых мест, «должность» которых передается по наследству. Часто ими являются реальные или мнимые потомки святого или же его спутников. В сознании верующих «смотритель» (астанакараулице) находился по статусу выше муллы, чему он был обязан своей принадлежностью к роду святого подвижника. В Западной Сибири считается, что погребенные в этих местах принесли в данный регион традиции ислама и погибли за веру. В ряде случаев их почитают как Чингизидов или же их родственников [30]. Имеются упоминания, позволяющие предположить бытование подобной практики и в Мещере. Известно, что сеид из рода Шакуловых Якуб б. Сеид-Ахмед б. Тин-Мухаммед б. Ак-Мухаммед якобы повесил некую женщину на текие царя Арслана б. Али, из которой та украла саваны и иные вещи [16, с. 497–498]. Можно предположить, что касимовские Чингизиды (по крайней мере, первые из них) в определенный момент стали рассматриваться местными мусульманами как подвижники веры, принесшие в регион ислам. В культ святых эти представления так и не превратились, однако традиция некоего их почитания все же бытовала. Здесь нужно сказать, что царь Арслан был, скорее всего, женат на внучке сеида Дин-аула-хаджи (Дин-Али хаджи б. Мир-Али хаджа), выходца из Ургенча, являвшегося одним из распространителей ислама в Сибири последней четверти XVI в. В роли смотрителей за могилами Чингизидов выступали представители сеидов Шакуловых, которые приходились родственниками как минимум сибирской династии касимовских Чингизидов. Если наши предположения верны, то было бы интересно установить, когда подобная практика могла попасть в Мещеру – с приходом сибирских Шибанидов или же значительно раньше [8]. Можно привести, как своеобразную иллюстрацию, личный опыт автора этих строк. Когда он впервые самостоятельно пытался найти в Касимове на старом посадском кладбище текие хивинского царевича Авган-Мухаммеда б. Араб-Мухаммеда, то местные жители отождествили эту постройку как могилу святого.

Таким образом, погребение Джан Сувара (Хансюера) в Касимове является не только фактом погребения на родовом кладбище. Это еще и иносказательное обретение (возращение) на утерянную Родину, на которую по-иному вернуться уже невозможно – в Сибирское ханство. Старое посадское кладбище, таким образом, могло превратиться в кусочек Сибири, Новую Сибирь.

По нашему мнению, данный текст также свидетельствует и о потере своего единства Кучумовичами, проживавшими в России. Все члены большой семьи не составляли единый монолит еще в Сибири. Об этом говорит, к примеру, тот факт, что жены и дочери Кучума, плененные и вывезенные в Россию в 1598 г., в конечном итоге в 1600 г. разделились на три группы. Одни попросились на житье в Касимов, к царю Ураз-Мухаммеду б. Ондану, пасынку сибирского хана Кучума, другие – в Бежецкий Верх к племяннику Кучума царе-

вичу Мухаммед-Кулу б. Ахмед-Гирею, а третьи предпочли остаться в Москве⁴⁷. С 1614 по 1624 гг. неким цементирующим фактором в семье являлся внук Кучума, Арслан б. Али. И мы можем говорить об этом не только благодаря его бракам. По праву левирата женами касимовского царя стали вдовы Ураз-Мухаммеда и царевича Азима (Хаджима) б. Кучума, а также мать Ураз-Мухаммеда. Он также ежегодно отправлял к своим родственникам, проживавшим в Ярославле, обоз (до 50 подвод) с продуктовыми запасами. У него находили приют члены дворов умерших в России родственников, а также многочисленные его свойственники, братья и племянники сибирских цариц, жен Кучума [7, с. 14–26; 11]. Со смертью Арслана эта связь оказалось сильно подорвана. Во многом это оказалось связано с женой Арслана и матерью его сына Сеид-Бурхана, царицей Фатимой Шакуловой, и ее родственниками, в чьих руках на долгие годы оказалась вся власть. Однако окончательное размежевание, по видимому, произошло во второй половине XVII в. Как некую иллюстрацию можем привести такой пример. Некрополь Касимовских царевичей находился в московском Златоустовском монастыре [14, с. 161], а Сибирских – в Ново-спасском. При этом в последнем оказались только погребения прямых членов семьи царевича Алексея Алексеевича. Погребения его родного брата, Петра Алексеевича, там не фиксируются⁴⁸. А один из касимовских царевичей, Яков, вообще, по непонятным причинам, оказался погребен в Касимове, где почитается как местночтимый святой. Семья всячески пыталась забыть о нем. Однако все же мы можем привести и обратный пример. В 1685/86 г. в Тобольске у некоего «торгового бухаренина» объявилась дочь калмыцкого Акинъ тайши Долаева сына, приходившаяся княжне Гордее Васильевне (дочь царевича Василия (Аблая) б. Ишима б. Кучума) племянницей. По челобитной княжны эту калмычку следовало разыскать, и, если она действительно оказалась бы дочерью Акинъ тайши, отдать ей [23, с. 164]. Как мы видим, проходившие процессы нельзя назвать простыми. И для того чтобы расставить все точки в этой истории, нам остается надеяться на возможные новые архивные находки.

Таким образом, по нашему мнению, текст дополнения мог быть создан в окружении вдов царевича Алтаная в Ярославле в период с 1660-х по начало 1680-х гг. Вряд ли это могло произойти позднее. Сохранять память было некому. Родовые предания очень быстро мифологизировались и забывались. Сохранять их было некому. В.В. Трепавлов наглядно показал это на примере Касимова [33]. В условиях же перехода в православие данные знания становились неактуальны. Как некую иллюстрацию мы можем привести историю с внуком царевича Алтаная князем Василием Алексеевичем Сибирским. Находясь в ссылке по делу царевича Алексея Петровича (сына Петра I) в Архангельске, он однажды заявил, что это он царь Сибирский, «он правнук Кучума, сибирского царя, что дед и отец его были тоже сибирскими царями» [17]. Князь правильно назвал себя правнуком Кучума. Однако ни его дед Алтанай, ни тем более отец (Иш-Мухаммед, Алексей Алексеевич) никогда не обладали царским титулом.

Полученная нами информация позволяет нам сделать еще одно важное наблюдение. Мы уже отмечали, что Касимов в рассматриваемое время являлся значительным культурным и, по-видимому, образовательным центром

⁴⁷ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1600 г. Д. 1.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 284. Ч. 2. Тетрадь 5. Л. 11.

мусульман в России [14, с. 129–133]. Но, похоже, в Ярославле, как минимум с конца XVI в. (времени поселения в городе знатных татарских выходцев) так же формируется свой культурный цент. Понятно, что они не существовали изолированно. Слишком много различных нитей объединяло их. Конечно же, мусульманские рукописи курсировали между ними. Их могли копировать. Поэтому мы вправе утверждать, что сочинение Утемиш-хаджи также было известно в Касимове. В 60-е гг. XX в. казанские исследователи неоднократно посещали город в рамках археографических экспедиций. Тогда М.А. Усмановым были выявлены и приобретены у касимовских татар сотни татарских, турецких, крымско-татарских, староузбецких и арабо-персидских рукописей-списков XV–XVII вв. [39, с. 54–55]. Некоторые из них были привезены в Касимов в готовом виде, другие переписывались в самом городе или его окрестностях. К глубокому сожалению, данная коллекция не подвергалась до настоящего времени всестороннему источниковедческому анализу. Подобные исследования, возможно, могли бы приоткрыть нам некоторые тайны письменной культуры Касимова эпохи «царства», да и всех мусульман Московского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. Т. II. 482 с.
2. Акчурина М.М., Ишеев М.Р., Беляков А.В., Абдурахманов Т.А., Салихов Р.Р. Касимовские татары из рода Кыпчак // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, №2. С. 312–341.
3. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах. М.: Тип. И. Селивановского, 1853. 498 с.
4. Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М.: Древлехранилище, 2005. 464 с.
5. Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 г.). М.: Русские витязи, 2015. 400 с.
6. Белоусов М.Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. Т. I. 316 с.
7. Беляков А.В. Араслан Алеевич – последний царь касимовский // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань: Край, 2006. Вып. 2–3. С. 8–30.
8. Беляков А.В. Исинея Карамышев сын Мусаитов. Неизвестный герой Смутного времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. №6. Ч. 3. С. 82–87.
9. Беляков А.В. Крещение мусульман и проблема их интеграции в России XVI–XVII вв. // Национальная политика России в контексте современных вызовов: идеи, практики, перспективы. Сборник трудов по итогам работы научно-исследовательских секций «Конгресса народов России – 2015». Нижний Новгород: Издательство государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2015. С. 56–74.
10. Беляков А.В. Кучумовичи в России XVII в. Три поколения одной семьи // История народов России в исследованиях и документах. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 62–89.
11. Беляков А.В. Сибирские выходцы в России в начале XVII в. Новые находки // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конфе-

ренции (Курган, 21–22 апреля 2017 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. С. 84–86.

12. *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 368 с.

13. *Беляков А.В.* Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени и его судьба // Мининские чтения: 2004. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. С. 21–35.

14. *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII в.: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.

15. *Беляков А.В., Енгальцева Г.А.* Крымские выходцы в Касимове – сеиды Шакуловы и их архив // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. Т. 7. С. 46–53.

16. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1866. Ч. 3. 521 с.

17. Г.Б. Сибирский царевич Василий Алексеевич в Архангельской ссылке (1718–1727 гг.). (Из архивных дел дальнего севера) // Русская старина. 1905. Т. 122. № 5. С. 404–411.

18. *Иероним (Алякринский И.С.)*. Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом с примечаниями И. Добролюбова. Рязань: Типо-лит. Н.Д. Малашкина, 1889. 129 с.

19. *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М.: РОССПЭН, 2000. 223 с.

20. *Маслюженко Д.Н.* Сообщение продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи как источник по истории Сибирских Шибанидов // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 117–134.

21. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Восточная литература, 2000. Т. II. 796 с.

22. *Миргалеев И.М.* Сообщение продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири.: материалы II Всероссийской научной конференции. Курган, 2017. С. 64–66.

23. *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М. Университетская тип. Страстной бульвар, 1900. Ч. 3. 393 с.

24. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1908. Кн. 15. 535, 156 с.

25. Опись Архива Посольского приказа, 1673 г. М., 1990. 526 с.

26. Памятники истории русского служилого сословия. М.: Древлехранилище, 2011. 556 с.

27. Подвиг Нижегородского ополчения. Н.Новгород: Книга, 2011. Т. I. 624 с.

28. Разрядная книга 1598–1638 гг. М.: Институт истории СССР АН, 1974. 398 с.

29. *Савелов Л.М.* Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С.И. Тарбеева в Крым в 1626–1628 гг. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь: Таврическая Губернская Тип., 1906. Т. XXXIX. С. 1–105.

30. *Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В.* Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Издательский дом Марджани, 2009. 216 с.

31. *Сухотин Л.М.* Четвертки Смутного времени (1604–1617 гг.). М.: Синодальная типография, 1912. 438 с.

32. *Трепавлов В.В.* Большая Орда – Тахт эли. Очерки истории. Тула: Гриф и К, 2010. 112 с.

33. *Трепавлов В.В.* «Остатки царей подвластных»: Историческая память татар XIX в. о Касимовском царстве // История народов России в исследованиях и документах. М.: Институр российской истории РАН, 2014. Вып. 6. С. 283–299.

34. *Трепавлов В.В., Беляков А.В.* Сибирские царевичи в истории России. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 496 с.
35. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. 764 с.
36. *Трепавлов В.В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература, 2003. С. 320–353.
37. *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 231 с.
38. Турки, Мавры, Татары – мусульмане в Пруссии и Германии. Каталог выставки. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 64 с.
39. *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Казанский государственный университет, 1972. 220 с.
40. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общ. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
41. *Филиппов Д.Ю.* Усадьба касимовского ханского дворца: судьба после царства // Древности Поочья. Сборник научных работ к 60-летию В.В. Судакова. Рязань: РИКО, 2016. С. 251–263.
42. *Фишер И.Е.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: Императорская Академия Наук, 1774. 631 с.
43. *Шишкин Н.И.* История города Касимова с древнейших времен. Рязань: Благовест, 1999. 216 с.

Сведения об авторе: Андрей Васильевич Беляков – доктор исторических наук, научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (117036, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: feb@ru.ru

*Поступила 01.03.2018 Принята к публикации 04.06.2018
Опубликована 29.06.2018*

REFERENCES

1. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Acts of history, collected and published by the Archaeographic Commission.]. St. Petersburg, Tip. II-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii, 1841. Vol. II. 482 p. (In Russian)
2. Akchurin M.M., Isheev M.R., Belyakov A.V., Abdurakhmanov T.A., Salikhov R.R. Kasimovskie tatory iz roda Kypchak [Kasimov Tatars of the Kypchak Tribe]. *Zoloto-ordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 312–341 (In Russian)
3. *Alfavitnyy ukazatel' familiy i lits, upominaemykh v Boyarskikh knigakh* [Alphabetical index of names and persons mentioned in Boyar books]. Moscow, Tip. I. Selivanovskogo, 1853. 498 p. (In Russian)
4. Ankhimiyuk Yu.V. *Chastnye razryadnye knigi s zapisyami za poslednyuyu chetvert' XV – nachalo XVII vekov* [Private books of official instructions with records for the last quarter of the 15th – the beginning of the 17th century]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2005. 464 p. (In Russian)

5. Babulin I.B. *Bor'ba za Ukrainu i bitva pod Konotopom (1658–1659 g.)* [The struggle for Ukraine and the Battle of Konotop (1658–1659)]. Moscow, Russkie vityazi, 2015. 400 p. (In Russian)
6. Belousov M.R. *Boyarskie spiski 1645–1667 gg. kak istoricheskiy istochnik* [Boyar lists of 1645–1667 as a historical source]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2008. Vol. I. 316 p. (In Russian)
7. Belyakov A.V. Araslan Aleevich – posledniy tsar' kasimovskiy [Araslan Aleyevich – the last tsar of Kasimov]. *Ryazanskaya starina* [Ryazan Antiquities]. 2004–2005. Ryazan, Kray, 2006, is. 2–3, pp. 8–30. (In Russian)
8. Belyakov A.V. Isiney Karamyshev syn Musaitov. Neizvestnyy geroy Smutnogo vremeni [Isinei Karamyshev, son of the Musaites. An unknown hero of the Time of Troubles]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University]. 2012, no. 6, part 3, pp. 82–87. (In Russian)
9. Belyakov A.V. Kreshchenie musul'man i problema ikh integratsii v Rossii XVI–XVII vv. [The baptism of Muslims and the problem of their integration in Russia in the 16th–17th centuries] *Natsional'naya politika Rossii v kontekste sovremennykh vyzovov: idei, praktiki, perspektivy. Sbornik trudov po itogam raboty nauchno-issledovatel'skikh sektsiy "Kongressa narodov Rossii – 2015"* [National policy of Russia in the context of modern challenges: ideas, practices, perspectives. Proceedings of the research sections of the “Congress of the Peoples of Russia – 2015”]. Nizhny Novgorod, Izdatel'stvo gosuniversiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2015, pp. 56–74. (In Russian)
10. Belyakov A.V. Kuchumovichi v Rossii XVII v. Tri pokaleniya odnoy sem'i [The Kuchumovichi in Russia in the 17th century. Three generations of one family]. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* [History of the peoples of Russia in research and documents]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN, 2016, pp. 62–89. (In Russian)
11. Belyakov A.V. Sibirskie vykhodtsy v Rossii v nachale XVII v. Novye nakhodki [Siberian natives in Russia in the beginning of the 17th century. New findings]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri: materialy III Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii (Kurgan, 21–22 aprelya 2017 g.)* [History, economics and culture of medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia: Proceedings of the III All-Russian (with international participation) scientific conference (Kurgan, April 21–22, 2017)]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2017, pp. 84–86. (In Russian)
12. Belyakov A.V. *Sluzhashchie Posol'skogo prikaza 1645–1682 gg.* [Employees of the Posolsky Order in 1645–1682]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2017. 368 p. (In Russian)
13. Belyakov A.V. Uchastie sibirskogo tsarevicha Altanaya ibn Kuchuma v sobyitiyakh Smutnogo vremeni i ego sud'ba [Participation of the Siberian prince Altan ibn Kuchum in the events of the Time of Troubles and his fate]. *Mininskie chteniya: 2004* [The Minin readings: 2004]. Nizhny Novgorod, Izd-vo NNGU, 2005, pp. 21–35. (In Russian)
14. Belyakov A.V. *Chingisidy v Rossii XV–XVII v.: prosopograficheskoe issledovanie* [The Chinggisids in Russia in the 15th–17th centuries: a prosopographic study]. Ryazan, Ryazan. Mir, 2011. 512 p. (In Russian)
15. Belyakov A.V., Engalycheva G.A. Krymskie vykhodtsy v Kasimove – seidy Shaku-lovy i ikh arkhiv [Crimean natives in Kasimov – The Shakulovs' Sayyids and their archive]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. 2015. vol. 7, pp. 46–53. (In Russian)
16. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Study of the Kasimov's tsars and princes]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoy Akademii nauk, 1866. Part 3. 521 p. (In Russian)

17. G.B. Sibirskiy tsarevich Vasiliy Alekseevich v Arkhangel'skoy ssylke (1718–1727 gg.). (Iz arkhivnykh del dal'nego severa) [Siberian prince Vasily Alekseevich in the Archangelsk exile (1718–1727) (from archives of the Far North)]. *Russkaya starina* [Russian Antiquities]. 1905, vol. 122, no. 5, pp. 404–411. (In Russian)

18. Ieronim (Alyakrinskiy I.S.). *Ryazanskie dostopamyatnosti, sobrannye arkhimandritom Ieronimom s primechaniyami I. Dobrolyubova* [Ryazan memoria collected by Archimandrite Jerome with notes by I. Dobrolyubov.]. Ryazan', Tipol.-lit. N.D. Malashkina, 1889. 129 p. (In Russian)

19. Markhotskiy N. *Istoriya Moskovskoy voyny* [History of the Moscow war]. Moscow, ROSSPEN, 2000. 223 p. (In Russian)

20. Maslyuzhenko D.N. Soobshchenie prodolzhatelya «Chingiz-name» Utemisha-khadzhi kak istochnik po istorii Sibirskikh Shibanidov [The account of the continuator of Ötemish Hajji's "Chingiz-name" as a source on the history of the Siberian Shibanids]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015, no. 4, pp. 117–134. (In Russian)

21. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2000. Vol. II. 796 p. (In Russian)

22. Mirgaleev I.M. Soobshchenie prodolzhatelya «Chingiz-name» Utemisha-khadzhi o pozdnikh Shibanidakh [The account of the continuator of Ötemish Hajji's "Chingiz-name" about the later Shibanids]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri: materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [History, economics and culture of medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia: proceedings of the II All-Russian Scientific Conference]. Kurgan, 2017, pp. 64–66. (In Russian)

23. Ogloblin N.N. *Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.)* [Review of columns and books of the Siberian Order (1592–1768)]. Moscow, Universitetskaya tip. Strastnoy bul'var, 1900. Ch. 3. 393 p. (In Russian)

24. *Opisanie dokumentov i bumag, khraryashchikhsya v Moskovskom arkhive Ministerstva yustitsii* [Description of documents and papers kept in the Moscow archive of the Ministry of Justice.]. Moscow, Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta, 1908. Book 15. 535, 156 p. (In Russian)

25. *Opis' Arkhiva Posol'skogo prikaza 1673 g.* [Inventory of the Archives of the Posolsky Order, 1673]. Moscow, 1990. 526 p. (In Russian)

26. *Pamyatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviya* [Monuments of the history of the Russian service estate]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2011. 556 p. (In Russian)

27. *Podvig Nizhegorodskogo opolcheniya* [The Feat of the Nizhny Novgorod militia]. Nizhny Novgorod, Kniga, 2011. Vol. I. 624 p. (In Russian)

28. *Razryadnaya kniga 1598–1638 gg.* [Books of official instructions of 1598–1638]. Moscow, Institut istorii SSSR AN, 1974. 398 p. (In Russian)

29. Savelov L.M. Iz istorii snosheniy Moskvy s Krymom pri tsare Mikhaile Fedoroviche. Posol'stvo S.I. Tarbeeva v Krym v 1626–1628 gg. [From the history of relations between Moscow and Crimea under Tsar Mikhail Fedorovich. The Embassy of S.I. Tarbeev in the Crimea in 1626–1628]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Tauride scientific archival commission]. Simferopol', Tavricheskaya Gubernskaya Tip., 1906, vol. XXXIX, pp. 1–105. (In Russian)

30. Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. *Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo* [The cult of saints in Siberian Islam: the specificity of the universal]. Moscow, Izdatel'skiy dom Mardzhani, 2009. 216 p. (In Russian)

31. Sukhotin L.M. *Chetvertchiki Smutnogo vremeni (1604–1617 gg.)* [Quaternaries of the Time of Troubles (1604–1617)]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya, 1912. 438 p.

32. Trepavlov V.V. *Bol'shaya Orda – Takht eli. Ocherki istorii* [The Great Horde – Taht El. Essays on history]. Tula, Grif i K, 2010. 112 p. (In Russian)

33. Trepavlov V.V. «Ostatki tsarey podvlastnykh»: Istoricheskaya pamyat' tatar XIX v. o Kasimovskom tsarstve carstve [“Remains of the subordinates tsars”: Historical

memory of the Tatars of the 19th century about the Kasimov tsardom]. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* [History of the peoples of Russia in researches and documents]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN, 2014, is. 6, pp. 283–299. (In Russian)

34. Trepavlov V.V., Belyakov A.V. *Sibirskie tsarevichi v istorii Rossii* [Siberian princes in the history of Russia.]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2018. 496 p.

35. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogai Horde]. Kazan, Izdatel'skiy dom "Kazanskaya nedvizhimost", 2016. 764 p. (In Russian)

36. Trepavlov V.V. Rossiyskie knyazheskie rody nogayskogo proiskhozhdeniya (genealogicheskie istoki i rannaya istoriya) [Russian princely families of the Nogai origin (genealogical sources and early history)]. *Tyurkologicheskiy sbornik: 2002: Rossiya i tyurkskiy mir* [Studia Turkologica. 2002: Russia and the Turkic World]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2003, pp. 320–353. (In Russian)

37. Trepavlov V.V. *Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh* [Siberian yurt after Yermak: Kuchum and the Kuchumovichi in the fight for revenge]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2012. 231 p. (In Russian)

38. *Turki, Mavry, Tatory – musul'mane v Prussii i Germanii. Katalog vystavki* [Turks, Moors, Tatars – Muslims in Prussia and Germany. Exhibition Catalog]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 64 p. (In Russian)

39. Usmanov M.A. *Tatarskie istoricheskie istochniki XVII–XVIII vv.* [Tatar historical sources of the 17th–18th centuries]. Kazan, Kazanskiy gosudarstvennyy universitet, 1972. 220 p. (In Russian)

40. Ötemish Hajji. *Kara tavarikh* [Qara Tavarikh]. Transkriptsiya I.M. Mirgaleeva, E.G. Sayfedinovoy, Z.T. Khafizova; perevod na russkiy yazyk I.M. Mirgaleeva, E.G. Sayfedinovoy; obshch. i nauch. red. I.M. Mirgaleeva. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian)

41. Filippov D.Yu. Usad'ba kasimovskogo khanskogo dvortsa: sud'ba posle tsarstva [Manor of the Kasimov Khan's Palace: the fate after the kingdom]. *Drevnosti Pooch'ya. Sbornik nauchnykh rabot k 60-letiyu V.V. Sudakova* [Antiquities of the Oka region. Collection of scientific works for the 60th anniversary of V.V. Sudakov]. Ryazan', RIKO, 2016, pp. 251–263. (In Russian)

42. Fisher I.E. *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli rossiyskim oruzhiem* [Siberian history from the very discovery of Siberia until the conquest of this land by Russian arms]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1774. 631 p. (In Russian)

43. Shishkin N.I. *Istoriya goroda Kasimova s drevneyshikh vremen* [History of the city of Kasimov since ancient times]. Ryazan, Blagovest, 1999. 216 p. (In Russian)

About the author: Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Researcher Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitriy Ulyanov Str., Moscow 117036, Russian Federation). E-mail: feb@ru.ru

*Received March 1, 2018 Accepted for publication June 6, 2018
Published June 29, 2018*